

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
И ИСТОРИЯ НАУКИ

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК
НАРОДОВ МИРА

ФИЗИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ
И ЭВОЛЮЦИЯ ЧЕЛОВЕКА

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

ЭТНОСОЦИОЛОГИЯ
И КРОССКУЛЬТУРНАЯ
ПСИХОЛОГИЯ

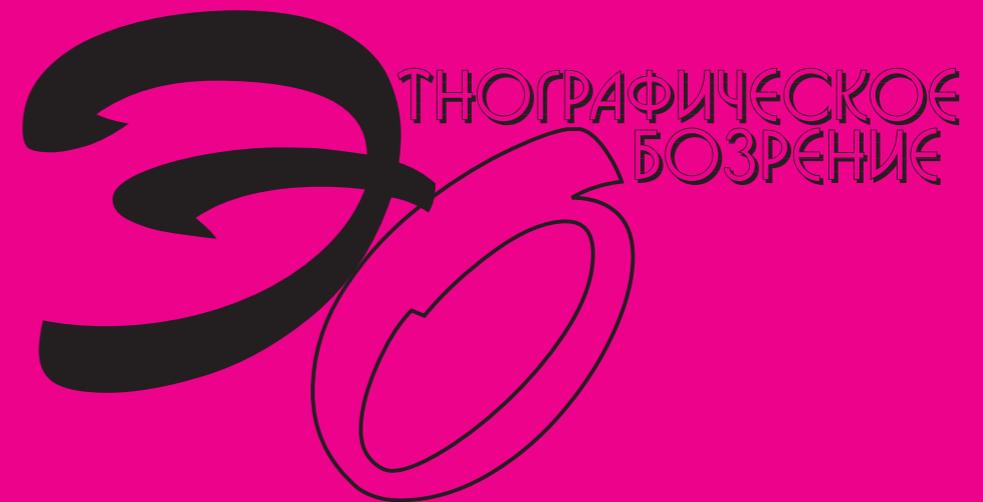
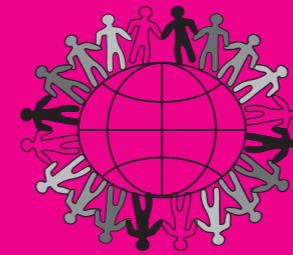
МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ И КОНФЛИКТЫ

ГЕНДЕРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ISSN 0869-5415 Этнографическое обозрение, 2015, № 4

2015

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 4

2015

4

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ БОЗРЕНИЕ

№ 4

ИЮЛЬ - АВГУСТ 2015

Журнал основан в январе 1926 года
Выходит 6 раз в год

С 1926 по 1929 г. журнал выходил под названием “Этнография”
С 1930 по 1991 г. — “Советская этнография”

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.Н. Абашин (д.и.н., Европейский ун-т, Санкт-Петербург), **С.С. Алымов** (к.и.н., ИЭА РАН, Москва), **С.А. Арутюнов** (чл.-корр. РАН, ИЭА РАН), **В.О. Бобровников** (к.и.н., Инст. востоковедения РАН, Москва), **М.Л. Бутовская** (д.и.н., РГГУ, Москва), **М.В. Добровольская** (д.и.н., Инст. археологии РАН, Москва), **А.Л. Елфимов**, зам. гл. ред. (к.и.н., ИЭА РАН), **П.С. Куприянов** (к.и.н., ИЭА РАН), **И.А. Морозов** (д.и.н., ИЭА РАН), **С.В. Соколовский**, главный редактор (д.и.н., ИЭА РАН), **В.А. Тишков** (акад. РАН, ИЭА РАН), **В.В. Трепавлов** (д.и.н., Инст. российской истории РАН, Москва), **Е.И. Филиппова**, зам. гл. ред. (д.и.н., ИЭА РАН), **Д.А. Функ** (д.и.н., МГУ им М.В. Ломоносова)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Ю.Е. Березкин (Кунсткамера РАН, Санкт-Петербург), **В. Вате** (CNRS, Франция), **Д.Н. Замятин** (Инст. наследия, Москва), **С. Кан** (Дартмутский колл., США), **Н.М. Лебедева** (ВИШЭ, Москва), **М. Могильнер** (Ун-т шт. Иллинойс, США), **В.И. Мукомель** (Инст. социологии РАН, Москва), **Б. Петрик** (EHESS, Франция), **И.Ф. Попова** (Инст. восточных рукописей, Санкт-Петербург), **М. Ривз** (Манчестерский ун-т, Великобритания), **Н. Ссорин-Чайков** (Кембриджский ун-т, Великобритания), **Л.А. Чвырь** (Инст. востоковедения РАН, Москва), **П. Швайцер** (Венский ун-т, Австрия), **В.А. Шнирельман** (ИЭА РАН, Москва)

Заведующая редакцией *И.А. Кучерова*

Адрес редакции:
119991 Москва, Ленинский пр., д. 32а, тел. (495) 938-18-67, факс (495) 938-06-00
Интернет-сайт: <http://journal.iea.ras.ru>, e-mail: ethnorev@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

Специальная тема номера: Антропология медиа

(отв. ред. – А.А. Новикова)

<i>А.А. Новикова.</i> Антропология медиа в России: истоки и перспективы	3
<i>Д.В. Дунас.</i> Антропологический поворот в зарубежных исследованиях СМИ: от концепций о человеке и культуре к новой дисциплине	13
<i>Е.В. Сальникова.</i> Современная медийная среда: ситуация многомирия	27
<i>О.Н. Запорожец, Е.Г. Лапина-Кратасюк.</i> Антропология цифрового города: к вопросу о выборе метода	41
<i>В.П. Чумакова.</i> Устная культура в медиапрактиках современного российского села	55
<i>С.А. Шомова.</i> Шут, Петрушка, дурак... (ипостаси трикстера в российской политической коммуникации)	64

История науки

<i>А.Х. Дониёров, А.Н. Сулайманов.</i> Роль Ташкентской антропологической школы в изучении народов Средней Азии	75
<i>Н.В. Хисамутдинова</i> “Русские на Дальнем Востоке” А.П. Георгиевского: опыт лингво-этнографического анализа	91

Статьи и материалы

<i>В.Н. Шинкарев.</i> Генеалогии акха и хани Китая: духи, люди, династии	105
<i>А.М. Стрелков.</i> Периодизация жизни индивида в учении Калачакра	124
<i>А.В. Иванов, Р. Бикку.</i> Социальная структура племени банжара из Южной Индии	140
<i>О.Б. Степанова.</i> Традиционные наземные погребальные сооружения северных селькупов	151
<i>Л.Ф. Фасхутдинова.</i> Золотное шитье татар-мишарей: особенности техники и орнамента.....	169

Рецензии и обзоры

<i>С.Н. Абашин.</i> Рец. на: Р. Finke. Variations on Uzbek Identity: Strategic Choices, Cognitive Schemas and Political Constraints in Identification Processes. N.Y.; Oxf., 2014	177
<i>Е.Н. Успенская.</i> Рец. на: Е.Ю. Карачкова. Диалоги с прошлым. Этноистория раджпутского княжества. М., 2013	181
<i>С.И. Рыжакова.</i> Рец. на: Е.Ю. Карачкова. Диалоги с прошлым. Этноистория раджпутского княжества. М., 2013	186

ЭО, 2015 г., № 4

© О.Н. Запорожец, Е.Г. Лапина-Кратасюк

**АНТРОПОЛОГИЯ ЦИФРОВОГО ГОРОДА:
К ВОПРОСУ О ВЫБОРЕ МЕТОДА**

Ключевые слова: антропология цифрового города, техноцентризм, мобильность, цифровые медиа, городское пространство

Дигитализация городской среды ставит перед исследователем города ряд новых задач, связанных не только с появлением медиатизированных объектов изучения. Эпистемологические проблемы изучения гибридной среды цифрового города связаны прежде всего с необходимостью пересмотреть исследовательский инструментарий, найти междисциплинарный компромисс между городскими исследованиями и исследованиями новых медиа. В статье рассматриваются два основных подхода к изучению взаимопроникновения цифровой культуры, мобильных гаджетов, сетевых феноменов и городской среды: техноцентрический и антропологический. Уделено внимание и проблемам изучения мобильности в городе, затрагиваемым как представителями первого, так и второго подхода; обосновывается выбор антропологии цифрового города в качестве адекватной методологической основы для изучения актуальных городских изменений.

“Дигитализация”, или существование информации в виде цифрового кода, – процесс, в последние десятилетия радикальным образом изменивший как городскую жизнь, так и городские исследования, вынужденные оперативно реагировать на стремительно изменяющуюся структуру городского опыта. Теоретики единодушно признают, что дигитализация создает новые качества и измерения городской жизни: ранее не существовавшие виды пространств, повседневных практик, материальных объектов, символическую среду. Интенсивность и масштаб проникновения цифровых технологий в городскую жизнь позволяют британским географам Шону Фрэнчу и Найджелу Трифту говорить о “цифровой рутине” или “цифровом бессознательном” современного города (*Thrift, French 2002: 309*). В этом случае лучшим свидетельством степени инкорпорирования технологий в повседневность выступает их невидимость: “Наиболее значимы исчезающие технологии. Они вплетаются в ткань повседневной жизни и со временем становятся неразличимы” (*Weiser 1991: 94*).

Радикальный аналитик цифрового общества Лев Манович предложил в качестве универсального понимания цифровой культуры новую форму технологического де-

Оксана Николаевна Запорожец – к.соц.н., ведущий научный сотрудник ИГИТИ им. А.В. Полетаева НИУ “Высшая школа экономики”, научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС (г. Москва); e-mail: ozaporozhets@hse.ru; **Екатерина Георгиевна Лапина-Кратасюк** – кандидат культурологии, доцент департамента медиа НИУ “Высшая школа экономики”, зам. заведующего Лабораторией историко-культурных исследований РАНХиГС (г. Москва); e-mail: elarinakratasyuk@hse.ru; статья подготовлена в рамках проекта “Медиа и технологии в современном городе” Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС.

терминизма, согласно которой все политические, социальные и культурные процессы следует рассматривать сквозь призму логики компьютерных программ: “Программы (software. – *Авт.*) – это интерфейс между нашим воображением и миром: универсальный язык, на котором говорит весь мир, и универсальный двигатель, приводящий мир в движение” (Manovich 2014: 25). Эту мысль Манович развивает с помощью понятия *cultural transcoding* как в книге “Язык новых медиа” (Manovich 2001), так и в недавно вышедшей работе “Программное обеспечение берет управление на себя” (Manovich 2013), само название которой, по мнению автора, однозначно указывает на главную движущую силу современной культуры. Не разделяя “компьютерного детерминизма” во всей его полноте, мы разделяем мнение Мановича, что слияние как пространственных, так и человеческих процессов с цифровыми технологиями становится важнейшим объектом изучения в городских исследованиях. Это мнение разделяет и множество аналитиков (как уже названных, так и упоминаемых ниже): именно цифровые основания города должны стать предметом современных городских исследований, а также служить поводом для их теоретической ревизии. Таким образом, цифровой поворот в области городских исследований со всей остротой обозначает вопрос, *что и как* следует изучать в современном городе. Неотделимым от него является и вопрос, *как именно* следует рассматривать современную городскую среду. Последний особенно актуален в связи с очевидным фактом, что большинство аналитических инструментов и методов исследования городской жизни были созданы в доцифровую эпоху и обладают ограниченной способностью улавливать новые реалии.

В этой статье мы сосредоточимся на основных теоретических подходах к анализу цифрового города, сложившихся к настоящему времени в англоязычных дискуссиях. Это позволит нам не только избавиться от иллюзии покорения “цифровой” целины, но и получить представление о проблемах и сложностях полевого исследования. Говоря о подходах к изучению городской цифровой среды, мы выделяем два основных направления в ее исследованиях: “техноцентрическое” и “антропологическое”. Сразу следует отметить, что авторы статьи отдают предпочтение антропологическому подходу и именно его выбирают в качестве методологической основы.

Первый подход, условно обозначаемый нами как “цифровой техноцентризм”, разрабатывается преимущественно британскими социальными географами Мартином Доджем и Робертом Китчином (Kitchin, Dodge 2011), Майком Крэнгом и Стефаном Грэхемом (Cragg, Graham 2007) и исходит из положения о принципиальном изменении структуры городского опыта под влиянием цифровых технологий. Основанием изменений является инкорпорирование цифрового кода в различные области повседневности. Такое проникновение цифровых логик, по мнению исследователей, создает уникальные объекты и пространства. Квинтэссенцией цифрового прорыва Додж и Китчин считают создание особого рода объектов – *логъектов* (logjects) и соответствующих им пространств (code/space). Предложенный ими неологизм – логъект – образован двумя составляющими: *to log* – фиксировать, записывать; и *object* – объект. Логъекты – это объекты, способные фиксировать и сохранять следы своей деятельности и обладающие способностью к самонастройке и самообновлению. Они являются частью более широких информационных систем (Интернета в целом, отдельных баз данных и пр.). В современном городе в их роли выступают индивидуальные гаджеты (мобильные телефоны, планшеты), и публичные информационные системы (экраны, табло и пр.). Логъекты своим функционированием генерируют огромные объемы информации о множестве аспектов повседневной жизни, практически превращая ее в сплошной объект фиксации, автоматически образуя цифровой архив повседневности. Именно логъекты и соответствующие им пространства, формируемые информационными следами логъектов и поддерживаемыми их инфраструктурами, и должны, по мнению Доджа и Китчина, выступать основным объектом современного знания о городе.

Второй подход к исследованию дигитализации можно обозначить как “цифровую антропологию”. К числу авторов, активно разрабатывающих этот подход, следует отнести американских исследователей технологий Адриану де Соуза-и-Сильва и Эрика Гордона (*de Souza e Silva* 2006; *Gordon, de Souza e Silva* 2011), канадских медиа-социологов Барри Веллмана и Ли Рэйни (*Rainie, Wellman* 2012) и др. Отправной точкой антропологического подхода является сомнение в способности цифровых технологий выступать самостоятельными агентами действия и создавать особые типы городской реальности (тезис, являющийся ключевым для сторонников “цифрового техноцентризма”). “Цифровые антропологи” полагают, что разговоры о “дегуманизации” современного города и городских исследований, связанные с возрастанием роли технологий, преждевременны. На передний план они предсказуемо выводят пользователей технологий и культурные контексты, полагая, что креативность пользователей (их способность творчески адаптировать технологии под свои нужды), а также культурные контексты и социальная ткань общества образуют специфические сценарии использования современных технологий, не заложенные в них изначально. Таким образом, “цифровые антропологи” во многом основывают свои выводы на положениях, противоположных тезисам Мановича: для них дигитализация является не универсальной логикой, а универсальным катализатором коммуникативных процессов.

Внимание “цифровых антропологов” к социальным и культурным контекстам действия технологий основано на убежденности, что их инкорпорирование в общественную жизнь и повседневность происходит не в вакууме, но в ситуации сложившихся институтов, социальных и культурных конвенций: правил коммуникации в различных социальных группах, публичного этикета и пр. Признание важности культурных и социальных контекстов обращает внимание исследователей на локальные порядки и практики использования цифровых технологий. Именно изучение специфики пользования цифровыми технологиями в определенных культурах, городских и социальных средах, а также изучение особенностей производства локальных пространств и конвенций их освоения образует одно из приоритетных направлений исследований цифрового города. Так, уже ставшие классическими исследования дигитализации раскрывают специфику пользования мобильными устройствами в Японии (*Ito, Matsuda, Okabe* 2005), городах Юго-Восточной Азии (*Rheingold* 2002), формирование технологической структуры и культуры пользования мобильными устройствами в городах Бразилии (*Duarte, de Souza e Silva* 2014) и т.п.

Для современных исследований дигитализации не менее важно понимание того, как пользование цифровыми устройствами создает особый локальный порядок, образует значимость отдельных городских мест (*Gordon, de Souza e Silva* 2011). Этот интерес к производству локальности в дисциплине “Digital Studies” конца 2000-х годов значительно отличается от приоритетного направления исследований, отчетливо обозначившегося в начале 2000-х. Основной идеей последнего было рассмотрение цифровых технологий как инструмента “де-территоризации”, способствующего созданию глобального информационного пространства, в котором свободно циркулируют образы и идеи.

Важной аналитической проблемой цифровых исследований города является вопрос об адекватных инструментах исследования современной городской среды, многократно умноженной и усложненной цифровыми медиа: *вопрос о методах*. Ответы на него во многом зависят от выбранной теоретической перспективы – цифрового техноцентризма или антропологизма. Сторонники цифрового антропологизма с его акцентом на культурных контекстах и пользовательских практиках полагают, что традиционные антропологические методы или методы качественной социологии сохраняют свою актуальность в исследованиях дигитализации, поскольку, по сути, неизменным остается предмет анализа – индивидуальные и коллективные действия и вкладываемые в них смыслы. Основные вопросы цифрового антропологизма – а именно: 1) кто является

пользователем цифровых технологий в городской среде? 2) в каких ситуациях происходит задействование цифровых технологий? 3) какими конвенциями регулируется использование технологий и как они соотносятся с более широкими сводами социальной нормативности? – вполне могут быть раскрыты с помощью интервью, наблюдений, анализа текстов и прочих средств из классического арсенала социальных наук.

Гораздо больших методологических новаций требует цифровой техноцентризм. В этом случае аналитики сталкиваются с классической проблемой, обозначенной исследователями технологий: технологии развиваются гораздо быстрее, чем успевают совершенствоваться методы их исследования. По словам Мановича, обращение к стремительно развивающимся технологиям не исчерпывается поиском новых аналитических инструментов, но требует тщательной ревизии эпистемологических оснований социальных наук, стимулируя появление гибкой и нелинейной эпистемологии (Manovich 1999).

Говоря о переопределении предмета исследования, следует отметить, что внимание техноцентристов привлекают прежде всего связи, устанавливаемые современными технологиями: актор/объект, пространство/темпоральность. Эти связи сегодня образуются постоянной работой геолокационных и геотемпоральных сервисов, а также интенсивной дигитализацией материалов городской повседневности и возникновением на этой основе разнообразных городских архивов – как самодеятельных, так и официальных. Резкое увеличение объемов информации – создание “big data” – провоцирует поиск новых способов работы с ними, в том числе активное включение статистических методов в современную гуманитаристику. Вместе с тем сложившаяся ситуация не приводит к “математизации” городских исследований. Скорее речь идет о новой комбинации качественных и количественных подходов, усилении ими возможностей друг друга. Объединяясь, широкие интерпретативные и цифровые исследовательские стратегии позволяют работать с широкомасштабными социальными структурами и индивидуальными агентами, объединять материальное пространство и субъективное восприятие.

Мы не отрицаем продуктивности техноцентричного подхода: он вполне продуктивен в решении целого ряда аналитических задач. В частности, он определенно совершает значимые прорывы в исследовании городской темпоральности или развитии активистской позиции социальных наук. Расширение репертуара работы с городской темпоральностью, пожалуй, следует отнести к одному из основных достоинств этого подхода. Одновременно он создает особую чувствительность к настоящему и прошлому городской жизни. Так, расширенные возможности быстрого производства информации – непосредственные реакции на происходящее с помощью комментариев, спонтанные выражения чувств, усиленные смайликами и фотографиями, опубликованные и разделенные со множеством пользователей в социальных сетях, форумах и блогах, а также на геолокационных сервисах, в пространственно-чувствительных приложениях и т.д. – увеличивают рефлексивность повседневности, усиливают значимость текущего момента, разбивая его на множество событий, насыщая его различными действиями. Работа с эфемерным – ускользающими воспоминаниями, спонтанными реакциями, не до конца осознанными идеями – бесконечно привлекала исследователей города, долгое время лишенных тонких и точных инструментов для фиксации подобных проявлений городского опыта. Развитие цифровых технологий и индивидуализированных гаджетов, а также синхронизированного сетевого общения, дает возможность исследователям эмпирически реализовать давний теоретический тезис – исследовать *становление* явления, ухватить процесс “in becoming”.

Помимо новых возможностей в работе с изменчивым настоящим техноцентризм определенно совершенствует способы работы с прошлым. Одной из крайне продуктивных аналитических стратегий работы оказывается картографирование, или “мэппинг” (mapping) – геотемпоральная стратегия визуализации сложной социальной,

исторической и культурной динамики¹. Если предыдущие способы работы с городским опытом позволяли создавать “насыщенное настоящее”, то картографирование позволяет конструировать “насыщенное прошлое”. По мнению Джулии Баклер, оно дает исследователям возможность работать на разных уровнях абстракции с картами памяти, концептуальными картами, картами сообществ, альтернативными картами, картами течений и движений, литературными и метафорическими репрезентациями кросскультурных коммуникаций, когнитивными и сенсорными картами, видеть, где происходят изменение и инновация.

Наконец, именно в рамках техноцентричного подхода разрабатываются различные формы визуальной репрезентации больших объемов данных. В городских исследованиях различные формы визуализации полученных результатов являются крайне продуктивной формой производства знания: это относится и к картографированию, и к другим формам визуализации. Такая работа позволяет легко переключаться с микро-на макро-уровень, с близкого на дальнее, с поверхностного на глубинное. Исследователи становятся производителями новых видов аналитических продуктов, таких как интерактивные платформы и исследовательские порталы.

“Мобильный поворот” в исследованиях цифрового города

Является ли пространство основной ареной или действующей силой происходящих городских изменений? Ответ на этот вопрос сегодня – скорее отрицательный. Но дело не в гипертрафированном интересе к “виртуальному пространству”, о существовании которого как параллельной физическому миру реальности уже никто всерьез не говорит. На смену рассуждениям о виртуальном приходит концепция мобильности, которая одинаково распространяется как на физический, так и на цифровой мир, охватывает как традиционные формы городского перемещения (транспорт), так и цифровые коммуникации, трансформирующие пространство-время. Именно поэтому внимание современных исследователей цифрового города сосредоточено преимущественно на *мобильности*, которая признается основным фактором и действующей силой происходящих городских изменений. Эта тенденция – следствие базовых технологических, пространственных, социальных и экономических изменений, происходящих в современных городах. Расширение городского пространства – развитие городских агломераций – отличительная черта современных мегаполисов. Развитие технологий делает возможной территориальную экспансию, не только связывая населенные пункты – статичные пространственные точки, но и обеспечивая постоянное нахождение на связи в процессе перемещения, а значит, и постоянную доступность/идентифицируемость объектов и субъектов перемещений.

Путь исследований городских цифровых технологий в определенной степени совпадает с траекториями городских исследований в 1990-х – начале 2000-х годов. Тема мобильности изначально попадает в городские исследования как общая декларация мобильности современного мира и ревизия значения пространства. Начиная с Дорин Мэсси с ее работами о релятивизации пространства (*Massey 2005*) или Джона Урри, автора манифеста мобильности (*Urru 2012*), теоретики отмечают, что основания современной социальности составляют не пространства, но процессы. Параллельно внимание аналитиков привлекают исследования “узлов мобильности”, или транзитных пространств, делающих возможным существование нового мобильного общества. Решающее значение для концептуализации транзитных пространств как особо значимых в городе имела работа Марка Оже “Не-места. Антропология супермодерности” (*Augé 1995*). В ней Оже отмечает, что процессы мобильности, постепенно становящиеся основаниями современного общества, трансформируют его социальную и пространственную структуру. Воплощением этих трансформаций он считает “не-места” – структуры, предназначенные для постоянных перемещений и делающие

таковые возможными. Именно они вносят значительный вклад в индивидуализацию современного общества, превращая знаково-опосредованную социальность в наиболее важную коммуникативную модель, пространственно и символически закрепляя индивидуальность современных обывателей, лишая пространство его истории и личной наполненности. За последние два десятилетия предположения Оже многократно оспаривались, но точкой консенсуса до сих пор остается признание важности “транзита” и его инфраструктуры в современном городе.

Как уже говорилось выше, причиной принципиального поворота в исследованиях городской дигитализации во многом стали изменения возможностей современных технологических систем, происшедшие или ставшие особенно очевидными во второй половине 2000-х годов. Увеличение разнообразия мобильных устройств, совершенствование геолокационных сервисов, интенсивная технологизация повседневности – все это привело к переключению внимания исследователей на мобильные объекты и мобильные субъекты, а также новые измерения повседневности, образуемые дигитализацией.

Кроме того, акцент на мобильности позволил отказаться от слишком универсального и статичного понятия “сеть” в отношении города и обозначить новый этап развития цифровых технологий, не исчерпывающийся термином “сетевые”. Так, в уже ставшей классической работе 2012 г. “Связанные сетью. Новая социальная система” Ли Райни и Барри Веллман говорят о трех этапах коммуникативной революции: о революции социальных сетей (связанной прежде всего с новыми формами коммуникации, а не технологий), революции Интернета и *мобильной революции* (Rainie, Wellman 2012). Именно последняя приводит к состоянию “сетевого индивидуализма” (networked individualism), определяющего, с точки зрения авторов, специфику современного общества, в котором сеть уступает место мобильной коммуникации, т.е. умению не только “быть связанным”, но и управлять этими связями, уметь их обходить, использовать (или не использовать) по собственному усмотрению.

В исследованиях мобильности смыкаются интересы как техноцентристов, так и антропологов, изучающих цифровой город.

Таким образом, можно уверенно говорить о формировании нескольких направлений исследований дигитализации современной среды, которая иногда оказывается городской. Выбирая для себя антропологическое направление, мы еще раз, справедливости ради, заметим, что вопрос о локализации происходящих изменений, их соединении с существующими пространствами, структурами, объектами, действующими агентами или сообществами, занимает далеко не всех теоретиков: для многих рассмотрение дигитализации означает переход к принципиально новым объектам, которые и подлежат теоретизации.

Методологические основания антропологии цифрового города

Далеко не все авторы разделяют техноцентризм британских и американских аналитиков. Практически параллельно развивается теоретическая перспектива, которую мы предлагаем назвать *антропологией цифрового города*. Ее основные положения, например, достаточно полно представлены в антологии “Цифровая антропология”, вышедшей в 2012 г. под редакцией Хизер Хорст и Дэниела Миллера (Horst, Miller 2012). Эта перспектива весьма неоднородна и объединяет различных авторов, солидарных в признании *пользователя*, а не логьекта стартовой точкой своих теоретизаций и значимым агентом, не только испытывающим влияние отчужденных цифровых технологий, но и во многом сохраняющим способность влиять на них.

Исследователем, оказавшим значительное влияние на формирование “антропологии цифрового города”, стала Адриана де Соуза-и-Сильва, чьи статьи разных лет обозначили магистральные направления и методики работы с изменяющейся городской

средой. Де Соуза-и-Сильва, как и многие авторы середины 2000-х годов, начинает анализ городских изменений с анализа пространства, декларируя переход от четкого разделения виртуального и физического пространства к созданию гибридной среды современного города. Основой перехода к гибридному пространству де Соуза-и-Сильва считает развитие мобильных технологий: “всех устройств, которые обеспечивают подключение к Интернету и обмен информацией между множеством пользователей, в процессе перемещения сквозь городские пространства” (de Souza e Silva 2006: 261). Важно понимать, что для автора, в отличие от “техноцентристов”, мобильные технологии являются возможностью перехода к гибридному пространству, но не точкой сборки последнего. В качестве таковой выступает опыт пользователя пространства. Гибридное пространство отличается от различного рода технологически образуемых пространств (дополненных и других) тем, что у горожанина всегда есть возможность быть подключенным к Интернету: это меняет его опыт пользования пространством, позволяя быть включенным как в отдаленную коммуникацию, так и в коммуникацию “здесь” и “сейчас”.

Таким образом, разделяя установки аналитического мейнстрима середины 2000-х с его ориентированностью на пространство, де Соуза-и-Сильва обращает внимание на принципиальную роль пользователя в управлении пространственными и технологическими опытами. Ссылаясь на результаты исследования Г. Рейнголда (Rheingold 2002), изучавшего опыт пользования мобильными устройствами среди японской молодежи, де Соуза-и-Сильва отмечает, что в настоящее время невозможно говорить о разделенности пространств, поскольку нельзя говорить о пространственно закрепленных опытах пользования Интернетом: “Никто из исследуемых не думал, что он делал, когда пользовался Интернетом” (Там же), поскольку это пользование перестало быть чем-то особенным и превратилось в неотъемлемую часть повседневной жизни: поездки на транспорте, пешей прогулки, приема пищи, отдыха и пр. Для де Соуза-и-Сильва технологии являются не столько значимыми самодостаточными акторами, сколько условиями важнейших социальных изменений, реконфигурации коммуникации, особенностей восприятия и культурных паттернов. Как исследовательница отмечает в работе “Net-пространства: почему пространство имеет значение в сетевом обществе” (Gordon, de Souza e Silva 2011), написанной в соавторстве с Эриком Гордоном, имеет смысл задаваться вопросом не только о характере новых технологий, но и о социальных структурах, контекстах и практиках их использования, поскольку этот сложный конгломерат образует актуальный социальный и пространственный опыт (Там же: 178).

Гордон и де Соуза-и-Сильва отмечают, что при нынешнем уровне развития технологий преждевременно говорить о технологической тотальности – проникновении технологий во все сферы жизни и выполнении ими бесконечно разнообразных функций. Скорее мы наблюдаем лавинообразную технологизацию нашей жизни, которая все же имеет свои пределы и ограничения (Там же: 13). Задача исследователя как раз и заключается в понимании сфер и пределов проникновения технологий в жизнь современного человека, а также особенностей технологических интервенций – того, что именно в повседневном опыте подлежит технологическому изменению. Признавая, что определенные технологические возможности являются независимыми от человека, “инсталлированными” в технику, Гордон и де Соуза-и-Сильва все же считают, что даже в условиях принудительной автоматизации человек не утрачивает возможностей контроля за технологиями, а значит, именно он должен стать стартовой точкой исследования технологических сред и мобильных устройств.

Антропоцентрическая установка, разделяемая Адрианой де Соуза-и-Сильва в упомянутых работах, крайне важна для определения аналитической траектории исследований цифрового города. Однако, как отмечалось ранее, антропология цифрового города является “зонтичным” аналитическим полем, на формирование которого повлияли различные традиции и которое сегодня представлено различными подхо-

дами. Формулируя самостоятельную аналитическую траекторию, мы постарались максимально учесть опыт разработок в релевантных исследовательских областях, включающих исследования новых медиа, городские исследования, исследования компьютерных технологий, цифровую антропологию и ряд других областей. Обозначим основные принципы подхода, который мы предлагаем называть *антропологией цифрового города*.

Его *исходным принципом* является признание фрагментарного характера современной технологической интервенции, а именно того факта, что пришествие технологий полностью не отменяет и не заменяет существующий порядок, как полагают аналитики, формирующие базовые принципы технологического подхода. Скорее, оно встраивается в существующий порядок, одновременно и испытывая его влияние, и переопределяя его отдельные фрагменты или значимые участки. Предполагается, что на включение технологий в жизнь современного города и их освоение горожанами влияет некоторый набор стартовых условий: пространственных, технологических, социальных, культурных и пр. Именно определенные условия, сложившиеся к моменту технологической интервенции, во многом определяют скорость и параметры ее интеграции, характер и способы ее использования, возможности трансформации и творческой адаптации. Таким образом, технологизация происходит не как изолированный процесс, но как постоянное взаимодействие со сложившимися условиями: существующая социальность трансформирует технологии, а внедряемые технологии способствуют “переизобретению” социальности. Важным аналитическим следствием подобной установки является тот факт, что она превращает исследование технологизации жизненных сред из универсального процесса в исследование отдельных случаев, контекстов, ситуаций. Это крайне важный методологический принцип, позволяющий избегать разговоров о “цифровизации” современного общества “вообще” и привлекающий внимание к активному взаимодействию условий и технологий и, как следствие, к различным гибридным средам. Сам принцип не является декларацией, но формулируется и воплощается в работах различных авторов, исследующих конкретные ситуации технологических интервенций. Например, предметом интереса Адрианы де Соуза-и-Сильва и Фернанды Дуарте является развитие мобильных технологий в Бразилии, особенности которого раскрываются в работе “Arte.mov, Mobilefest и возникновение мобильной культуры в Бразилии” (Duarte, de Souza e Silva 2014: 206); ранее фокусом внимания группы авторов под руководством Мизуко Ита, Миса Матсуда и Дайсукэ Окаба выступало развитие мобильной телефонии в Японии, проанализированное в работе “Личный, легкий, постоянно в движении. Мобильные телефоны в жизни японцев” (Ito, Matsuda, Okabe 2005). Подобные исследования полностью соответствуют основным интеллектуальным трендам современной гуманитаристики и показывают, как происходит включение технологии в социальную и культурную ткань.

Вторым принципом современной антропологии цифрового города следует считать ее сфокусированность на человеке как активном создателе и модификаторе технологий. Активность пользователей технологий относительно недавно “открывается” исследователями, что лишним раз подтверждает название статьи Кристианы Линдсей “Из тени: пользователи как дизайнеры, производители, распространители, маркетологи и техническая поддержка” (Lindsay 2009). Рассматривая пользователей мобильных технологий, аналитики отмечают, что человек модифицирует действующие технологии, как исходя из подчиненности некоторой социокультурной нормативности, так и руководствуясь собственными спонтанными, сиюминутными предпочтениями, конкретными соображениями удобства². Не менее важным в этой ситуации становится и формирование навыков и практик, вырабатываемых технологиями и преобразующими повседневность человека. В частности, новые навыки управления собственной повседневной жизнью, рассматриваемые как возможность одновременного присутствия в нескольких пространствах/ситуациях (например, “absent presence”; см.: Gergen 2002),

оперативного переключения между ними (*Varnelis* 2008), регистрами коммуникации, собственными эмоциональными состояниями (*Bissell* 2010: 270). Иными словами, речь идет о формируемой при помощи технологий жизни в ситуации “многозадачности” (multi-tasking).

Третьим принципом антропологии цифрового города является постоянное уточнение и контекстуализация объектов анализа как соответствующих реалиям эпохи интенсивной и диверсифицированной дигитализации. Абстрактные констатации, описывающие цифровые технологии в целом, имеют в настоящее время ограниченную ценность и отражают скорее ранние стадии дигитализации с их ограниченным набором технологий и способов применения. Сегодня гораздо важнее фиксировать разнообразие технологий и их интерпретаций, а также образующиеся “ассамбляжи”. Принципиальным для реализации этого принципа и сохранения человекоцентричного подхода мы считаем понятие *полимедиа*, введенное в научный оборот Миркой Мадяну и Дэниелом Миллером в работе “Миграция и новые медиа. Транснациональные семьи и полимедиа” (*Madianu, Miller* 2012). Полимедиа в данном случае означает наличие технологически насыщенной среды, предлагающей пользователю набор альтернативных средств коммуникации (мобильных телефонов, планшетов, мобильных приложений и пр.), из которых он осуществляет выбор на основании соотношения издержек и приобретений. Благодаря подобному подходу можно говорить о текущих технологических приоритетах, модах на те или иные гаджеты, их устаревании и прочих перспективах, образуемых отношениями пользователя и технологий. В этом случае актуальным становится рассуждение о роли цифровых медиа в различных сферах повседневности, а также рассмотрение вопроса о том, сталкиваемся ли мы с чем-то принципиально новым или речь идет о “ремедиации” (термин Джея Болтера и Ричарда Грусина) – о выполнении новыми технологиями старых функций (*Bolter, Grusin* 2000; *Manovich* 2001). Мы полагаем, что на данном этапе основные изменения в городской среде вызваны мобильными цифровыми технологиями как наиболее востребованными технологиями современного города. Именно они усиливают способность горожан к перемещению и его скорость, а это – важнейшие характеристики современного города. Признание мобильных технологий и соответствующих им приложений принципиально важными для современного города не означает, что мы отказываем в важности фиксированным цифровым устройствам или технологиям, которые, безусловно, являются значимой частью городской среды. Речь, скорее, идет о приоритетности исследовательских акцентов, а не о тотальном исключении объектов анализа.

Четвертым принципом антропологии цифрового города можно считать чувствительность этой дисциплины к новым технологическим, социальным и другим связям и формам их реализации, образуемым человеком, взаимодействующим с технологиями и другими социальными и материальными агентами. В этом случае основным вопросом становится вопрос о том, какие формы социального объединения создаются пользователями. В какой степени цифровые технологии способствуют изоляционизму, а в какой – социальной интеграции? Какие альянсы образуются? Помимо образования новых социальных конфигураций, не менее важным становится вопрос: какой “социальный клей” используется новыми медиа или проявляется благодаря им? Вызывают ли эти новые медиа к жизни “бесконечную интимизацию отношений”? Сплачивание аффектом и близостью? (*Goggin, Hjorth* 2014).

Наконец, *пятым принципом* антропологии цифрового города мы, вслед за Хизер Хорст и Дэниелом Миллером (*Horst, Miller* 2012), хотели бы назвать материальность как аналитический фокус. Исследования материальности принципиальны для антропологии и традиционно служат способом понимания социальной, а в последнее время и “не-человеческой” (non-human), как ее называл Бруно Латур, организации (*Латур* 2014). Как уже отмечалось, нередко при исследовании современных технологий их материальное воплощение исчезает из поля зрения исследователей, заменяется ос-

новными алгоритмами действий, базовыми логиками программ. Как отмечает Мэтью Киршенбаум в работе “Механизмы. Новые медиа и отслеживающее воображение”, “компьютерные технологии уникальны в своей дематериализации. Все усилия их создателей, все эксперименты с их внешним обликом направлены на то, чтобы создать иллюзию нематериальности” (Kirschenbaum 2008: 135). Цифровые технологии, определенно, создают новую материальность города и повседневной жизни в целом, а значит, нуждаются в самостоятельном исследовании и описании форм существования, пространств, практик обращения, инфраструктуры и пр. Помимо этого цифровые технологии способствуют ревизии уже существующей материальности, проблематизируя значение городской среды и ее отдельных фрагментов (зданий, стендов, информационных систем и пр.) как до-цифровых медиа, а также их новой роли в ситуации интенсивной дигитализации. Об этом много писал пионер исследований медиа и технологий в городе Скотт Маккуайр в недавно переведенной на русский язык книге 2008 г. “Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство” (Маккуайр 2014). Внимание к материальности цифровых технологий и траекторий их пользователей неизбежно поднимает вопрос о пространственных аспектах существования технологий и их соотношении с более масштабными пространственными системами.

Антропология цифрового города может, в частности, помочь понять, какова специфика дигитализации городской среды в современной России, и концептуализировать соответствующие процессы. К числу перспективных направлений исследования российских цифровых городов относятся, например, дигитализация транзита и транспортных систем, фигура пассажира как значимого персонажа цифрового города; а также – изменение социальных объединений в цифровом городе и так называемый цифровой активизм.

Следует отметить, что все предлагаемые направления нельзя назвать “аналитически насыщенными”. Если отдельные темы вполне освоены в гуманитарных или социальных науках в их не-дигитальных воплощениях (например, исследования музеев или городских публичных пространств), то вопрос, как дигитализация меняет их устройство, а те в свою очередь трансформируют внедрение технологий и соответствующих практик, остается малоизученным. Нельзя не согласиться с Хорст и Миллером, что исследования дигитализации в минувшее десятилетие наиболее часто фокусировались на США или европейских странах. Изучение других культурных сценариев и адаптаций дигитализации остается открытым вопросом для цифровой антропологии в целом. Именно поэтому исследование российского контекста представляет собой дополнительный интерес не только для понимания специфики происходящего, но и для соотнесения его с некоторыми универсалиями или мейнстримами дигитальных трансформаций.

Локализация исследований во времени и пространстве соответствует актуальным направлениям теоретических поисков. Одним из первых вопросов, которым задаются аналитики при изучении современных мобильных систем (основного, по их мнению, инструмента преобразования/создания современного города), является следующий: можно ли говорить о некоторой предыстории городских мобильных медиа – их технологических или материальных аналогах, способствующих изменению городской жизни и переводящих ее на новый уровень? Подобная постановка вопроса вполне соответствует аналитическим устремлениям исследователей дигитализации второй половины 2000-х годов, критиковавших доминирующую “аисторичность” исследований современных медиа (Lovink 2011).

Весьма предсказуемо, что в центре внимания исследователей оказывается вопрос об изменении социальной ткани городской жизни, а именно – об усилении городской индивидуализации. В этом случае в качестве предшественниц современных мобильных гаджетов некоторые авторы предлагают рассматривать *книги*, ставшие некогда одним из первых инструментов городской индивидуализации и одновременно дарившие

возможность создания параллельного иллюзорного мира (*de Souza e Silva, Frith 2012; Schivelbusch 1987*). Предполагается, что массовый рынок книг и газет, сложившийся в городах в конце XIX – начале XX в., в немалой степени способствовал формированию новых практик городской жизни, к числу которых можно отнести легитимное публичное одиночество. Появление доступных и легких книг сделало возможным и достаточно распространенным чтение в публичных местах. При этом читатель имел возможность регулировать свои контакты с окружающими: чтение признавалось значимым занятием и веским аргументом для избегания контактов.

Подобным же образом антропологи, изучающие цифровой город, полагают, что современные гаджеты создают новые возможности для управления социальными коммуникациями и социальной дистанцией и позволяют состояться “сетевому индивидуализму” (термин, впервые предложенный Барри Веллманом; см.: *Rainie, Wellman 2012*). Сетевой индивидуализм, как уже упоминалось выше, – это автономность субъекта, трансформированная современными сетевыми технологиями, возможность быть включенным во взаимодействие и в то же время сохранять дистанцию по отношению к окружающим. Ли Райни и Барри Веллман отмечают следующие особенности подобного социально-технологического взаимодействия: оно индивидуализировано и персонифицировано, оно осуществляется в ситуации, когда одновременно может происходить множество действий (возможность, создаваемая современными устройствами), это взаимодействие, в которое одновременно включено множество пользователей, действующих более или менее согласованно (Там же: 7).

Другим вопросом, актуализированным цифровой антропологией, представляется вопрос о том, кто собственно является действующими лицами цифрового города. Принимая идею о фрагментарном характере дигитализации, особенно важным следует считать понимание того, как, в каких ситуациях или городских средах горожане включаются в пользование цифровыми устройствами (мобильными или стационарными).

Масштабная интервенция цифровых технологий, меняющая отдельные практики и устройство городской повседневности в целом, определенно нуждается в научной рефлексии. Среди основных вопросов, возникающих у аналитиков-обществоведов, присутствуют следующие: какие методы использовать для фиксирования новых состояний и практик? Являются ли классические методы исследований, разработанные для джандейся, неспешной, человеко-ориентированной повседневности, подходящими для фиксирования новых состояний человека и городской среды?

В своей статье мы проследили лишь основные направления теоретической ревидии исследований цифрового города, объяснив, почему наш выбор пал на цифровую антропологию. Детализация и уточнение методов исследования – актуальный предмет дальнейших академических штудий.

Примечания

¹ О цифровых инструментах работы с городской темпоральностью подробно рассказывает Джулия Баклер в докладе “Urban Studies and Urban Humanities: Reconceptualizing the Field for an Interdisciplinary Digital Age” (URL: http://igiti.hse.ru/en/culture/HistoriCity_video).

² В частности, этот принцип разрабатывается российским исследователем Иваном Климовым в его работе по изучению “планшетного этикета” пассажиров общественного транспорта.

Научная литература

Латур 2014 – Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014.

Маккуайр 2014 – Маккуайр С. Медийный город: медиа, архитектура и городское пространство. М.: Strelka Press, 2014.

Урри 2012 – Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.

- Augé* 1995 – *Augé M.* Non-Places: An Introduction to an Anthropology of Supermodernity. L.: Verso, 1995.
- Bardini, Horvath* 1995 – *Bardini T., Horvath A.T.* The social construction of the personal computer user: The rise and fall of the reflexive user // *Journal of Communication*. 1995. Vol. 45(3). P. 40–65.
- Bissell* 2010 – *Bissell D.* Passenger mobilities: affective atmospheres and the sociality of public transport // *Environment and Planning D: Society and Space*. 2010. Vol. 28(2). P. 270–289.
- Bolter, Grusin* 2000 – *Bolter J.D., Grusin R.* Remediation: Understanding New Media. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.
- Crang, Graham* 2007 – *Crang M., Graham S.* Sentient cities: Ambient intelligence and the politics of urban space // *Information, Communication & Society*. 2007. Vol. 10(6). P. 789–817.
- De Souza e Silva* 2006 – *de Souza e Silva A.* From cyber to hybrid: mobile technologies as interfaces of hybrid spaces // *Space & Culture*. 2006. Vol. 9(3). P. 261–278.
- De Souza e Silva, Frith* 2012 – *de Souza e Silva A., Frith J.* Mobile Interfaces in Public Spaces: Locational Privacy, Control, and Urban Sociability. N.Y.: Routledge, 2012.
- Duarte, de Souza e Silva* 2014 – *Duarte F., de Souza e Silva A.* Arte.mov, Mobilefest and the emergence of a mobile culture in Brazil // *The Routledge Companion to Mobile Media* / Ed. G. Goggin, L. Hjorth. N.Y.: Routledge, 2014. P. 206–215.
- Gergen* 2002 – *Gergen K.* The challenge of absent presence // *Perpetual Contact: Mobile Communication, Private Talk, Public Performance* / Ed. J.E. Katz, M. Aakhus. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Goggin, Hjorth* 2014 – *Goggin G., Hjorth L.* Introduction: Mobile Media Research – State of the Art // *The Routledge Companion to Mobile Media* / Eds. G. Goggin, L. Hjorth. N.Y.: Routledge, 2014. P. 1–8.
- Gordon, de Souza e Silva* 2011 – *Gordon E., de Souza e Silva A.* Net Locality: Why Location Matters in a Networked World. Chichester: Wiley-Blackwell, 2011.
- Horst, Miller* 2012 – *Digital Anthropology* / Eds. H.A. Horst, D. Miller. N.Y.: Bloomsbury, 2012.
- Ito, Matsuda, Okabe* 2005 – *Ito M., Matsuda M., Okabe M.* Personal, Portable, Pedestrian. Mobile Phones in Japanese Life. Cambridge, MA: MIT Press, 2005.
- Kirschenbaum* 2008 – *Kirschenbaum M.G.* Mechanisms: New Media and the Forensic Imagination. Cambridge, MA: MIT Press, 2008.
- Kitchin, Dodge* 2011 – *Kitchin R., Dodge M.* Code/Space: Software and Everyday Life. Cambridge, MA: MIT Press, 2011.
- Lindsay* 2009 – *Lindsay C.* From the Shadows. Users as designers, producers, marketers, distributors and technical support // *The Object Reader* / Eds. F. Candlin, R. Guins. L.: Routledge, 2009.
- Lovink* 2011 – *Lovink G.* Networks Without a Cause: A Critique of Social Media. L.: Polity Press, 2011.
- Madianu, Miller* 2012 – *Madianu M., Miller D.* Migration and New Media: Transnational Families and Polymedia. L.: Routledge, 2012.
- Manovich* 1999 – *Manovich L.* Database as symbolic form // *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*. 1999. Vol. 5(2). P. 80–99.
- Manovich* 2001 – *Manovich L.* The Language of New Media. Cambridge, MA: MIT Press, 2001.
- Manovich* 2013 – *Manovich L.* Software Takes Command. L.: Bloomsbury Academic, 2013.
- Manovich* 2014 – *Manovich L.* Software is the Message // *Journal of Visual Culture*. 2014. Vol. 13(1). P. 79–81.
- Massey* 1994 – *Massey D.* Space, Place, and Gender. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994.
- Massey* 2005 – *Massey D.* For Space. L.: Sage Publications, 2005.
- Oudshoorn, Pinch* 2005 – *Oudshoorn N., Pinch T.* How Users Matter: The Co-Construction of Users and Technology. Cambridge, MA: MIT Press, 2005.
- Rainie, Wellman* 2012 – *Rainie L., Wellman B.* Networked: The New Social Operating System. Cambridge, MA: MIT Press, 2012.
- Rheingold* 2002 – *Rheingold H.* Smart Mobs: The Next Social Revolution. Cambridge, MA: Perseus Publishing, 2002.
- Schivelbusch* 1987 – *Schivelbusch W.* The Railway Journey: The Industrialization of Time and Space in the 19th Century. Berkeley: University of California Press, 1987.

Thrift, French 2002 – *Thrift N., French S.* The automatic production of space // Transactions of the Institute of British Geographers. 2002. Vol. 27(3). P. 309–335.

Varnelis 2008 – *Networked Publics* / Ed. K. Varnelis. Cambridge, MA: MIT Press, 2008.

Weiser 1991 – *Weiser M.* The computer for the 21st century // *Scientific American*. 1991. Vol. 265(3). P. 94.

Article Summary

O.N. Zaporozhets, E.G. Lapina-Kratasyuk. Antropologija tsifrovogo goroda: k voprosu o vybore metoda [Anthropology of the Digital City: On the Issue of Choosing a Method]

Keywords: digital anthropology, technological centrism, mobility, digital media, city space

Abstract: The digitalization of urban space makes the scholar of the city face new objectives, and not all of these objectives have to do with the mediatized objects of study that are emerging. Epistemological challenges related to the study of digital city's hybrid space are first and foremost arising out of the need to rethink and reconceptualize the entire scope of research tools in order to reach the interdisciplinary compromise between urban studies and new media studies. The authors discuss two main approaches – those of technological centrism and anthropology – to the study of interconnections among digital culture, mobile gadgets, networks, and city space. Attention is further paid to the issues in the study of mobility in the city, that are pinpointed by adherents of both approaches. The authors argue in favor of the anthropological approach as the appropriate methodological foundation for contemporary research on urban transformations.

Author: **Oksana Zaporozhets**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); e-mail: ozaporozhets@hse.ru; **Ekaterina Lapina-Kratasyuk**, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia); e-mail: elapinakratasyuk@hse.ru

References

- Augé M. *Non-Places: An Introduction to an Anthropology of Supermodernity*. London: Verso, 1995.
- Bardini T., Horvath A. T. The social construction of the personal computer user: The rise and fall of the reflexive user. *Journal of Communication*, 1995, vol. 45(3), pp. 40–65.
- Bissell D. Passenger mobilities: affective atmospheres and the sociality of public transport. *Environment and Planning D: Society and Space*, 2010, vol. 28(2), pp. 270–289.
- Bolter J.D., Grusin R. *Remediation: Understanding New Media*. Cambridge, MA: MIT Press, 2000.
- Crang M., Graham S. Sentient cities: Ambient intelligence and the politics of urban space. *Information, Communication & Society*, 2007, vol. 10(6), pp. 789–817.
- De Souza e Silva A. From cyber to hybrid: mobile technologies as interfaces of hybrid spaces. *Space & Culture*, 2006, vol. 9(3), pp. 261–278.
- De Souza e Silva A., Frith J. *Mobile Interfaces in Public Spaces: Locational Privacy, Control, and Urban Sociability*. New York: Routledge, 2012.
- Duarte F., de Souza e Silva A. Arte.mov, Mobilefest and the emergence of a mobile culture in Brazil. *The Routledge Companion to Mobile Media*, ed. G. Goggin, L. Hjorth. New York: Routledge, 2014, pp. 206–215.
- Gergen K. The challenge of absent presence. *Perpetual Contact: Mobile Communication, Private Talk, Public Performance*, ed. J.E. Katz, M. Aakhus. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Goggin G., Hjorth L. Introduction: Mobile Media Research – State of the Art. *The Routledge Companion to Mobile Media*, ed. G. Goggin, L. Hjorth. New York: Routledge, 2014, pp. 1–8.
- Gordon E., de Souza e Silva A. *Net Locality: Why Location Matters in a Networked World*. Chichester: Wiley-Blackwell, 2011.
- Horst H.A., Miller D. (ed.) *Digital Anthropology*. New York: Bloomsbury, 2012.

- Ito M., Matsuda M., Okabe M. *Personal, Portable, Pedestrian: Mobile Phones in Japanese Life*. Cambridge, MA: MIT Press, 2005.
- Kirschenbaum M.G. *Mechanisms: New Media and the Forensic Imagination*. Cambridge, MA: MIT Press, 2008.
- Kitchin R., Dodge M. *Code/Space: Software and Everyday Life*. Cambridge, MA: MIT Press, 2011.
- Latour B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriuu*. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2014.
- Lindsay C. From the Shadows. Users as designers, producers, marketers, distributors and technical support. *The Object Reader*, ed. F. Candlin, R. Guins. London: Routledge, 2009.
- Lovink G. *Networks Without a Cause: A Critique of Social Media*. London: Polity Press, 2011.
- Madianu M., Miller D. *Migration and New Media: Transnational Families and Polymedia*. London: Routledge, 2012.
- Manovich L. Database as symbolic form. *Convergence: The International Journal of Research into New Media Technologies*, 1999, vol. 5(2), pp. 80–99.
- Manovich L. *The Language of New Media*. Cambridge, MA: MIT Press, 2001.
- Manovich L. *Software Takes Command*. London: Bloomsbury Academic, 2013.
- Manovich L. Software is the Message. *Journal of Visual Culture*, 2014, vol. 13(1), pp. 79–81.
- Massey D. *Space, Place, and Gender*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1994.
- Massey D. *For Space*. London: Sage Publications, 2005.
- McQuire S. *Mediyniy gorod: media, arkhitektura i gorodskoe prostranstvo*. Moscow: Strelka Press, 2014.
- Oudshoorn N., Pinch, T. *How Users Matter: The Co-Construction of Users and Technology*. Cambridge, MA: MIT Press, 2005.
- Rainie L., Wellman B. *Networked: The New Social Operating System*. Cambridge, MA: MIT Press, 2012.
- Rheingold H. *Smart Mobs: The Next Social Revolution*. Cambridge, MA: Perseus Publishing, 2002.
- Schivelbusch W. *The Railway Journey: The Industrialization of Time and Space in the 19th Century*. Berkeley: University of California Press, 1987.
- Thrift N., French S. The automatic production of space. *Transactions of the Institute of British Geographers*, 2002, vol. 27(3), pp. 309–335.
- Urry J. *Sotsiologiya za predelami obshchestv: vidy mobil'nosti dlia XXI stoletia*. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2012.
- Varnelis K. (ed.) *Networked Publics*. Cambridge, MA: MIT Press, 2008.
- Weiser M. The computer for the 21st century. *Scientific American*, 1991, vol. 265(3), p. 94.